УДК 342.724:316.347 DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-4-213-217

СОХРАНЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Бедрик Андрей Владимирович кандидат социологических наук, доцент, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160). E-mail: abedrik@bk.ru

Бинеева Наталья Камильевна кандидат социологических наук, доцент, старший преподаватель, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета(344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160); ученый секретарь, Южнороссйиский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 102). E-mail: n.bineeva@gmail.com

Дьяченко Анжела Николаевна кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская 160, оф. 112). E-mail: angelz2004@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные для многонационального российского общества вопросы сохранения этнокультурного многообразия в контексте реализации государственной национальной политики. На основе анализа нормативных документов, определяющих основные принципы национальной политики, раскрываются особенности национально-культурных компонентов в условиях институциональной и ресурсной среды российского общества, обосновывается вывод о наличии комплекса рисков, обусловленных противоречиями на уровне законодательства, формальных и неформальных практик осуществления мероприятий национальной политики.

Ключевые слова: *национальная политика, этнокультурное многообразие, идентичность, Стратегия государственной национальной политики, национально-культурные объединения, национально-культурная автономия, многоязычие, право выбора языка, Юг России.*

На начальном этапе развития постсоветской национальной политики в России (1990 – начало 2000-х гг.) она характеризовалась нейтрализацией центробежных тенденций, преодолением негативных последствий распада СССР и решением проблем сепаратизма. В настоящее время произошла трансформация национальной политики от антисецессионистского к этноконсолидационному содержанию [1, с. 174]. В соответствии с ним национальная политика в современной России имеет несколько направлений реализации, одним из которых является государственная политика по сохранению национального многообразия, поддержке национально-культурных объединений и коренных малочисленных народов Российской Федерации.

Данное направление относится к категории базовых целей Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 года № 1666[1]. Стратегия предполагает реализацию данной цели через обеспечение сохранения и приумножения культурного наследия народов России путем создания возможностей доступа к культурным ценностям, материальному и нематериальному историческому наследию народов России, развития национального волонтерского движения и подготовку национальных кадров в сфере культуры, расширения соответствующих научных исследований, пропаганды достижений народов России через учреждения культуры и СМИ, введения в систему образования элементов этнокультурного просвещения, поддержки двуязычия и многоязычия и т.д. Именно Указ Президента о введении новой стратегии национальной политики является базовым нормативно-правовым актом, постулирующим ценность сохранения всех национально-культурных компонентов российского общества.

Данное положение Стратегии предваряется рядом источников законодательного уровня, разработанных в 1990-е годы и позднее неоднократно уточненных. При этом признается, что базовыми основами существования народа является его идентичность и его язык [2, с. 128]. В соответствии с Законом РФ от 25.10.1991 № 1807-1 (ред. от 12.03.2014) «О языках народов Российской Федерации»[2] в России гарантировано право на использование родного языка, свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и т.д. (ст. 2, п. 3), а далее констатируется, что «…никто не вправе устанавливать ограничения или привилегии при использовании того или иного языка…», «…государство признает равные права всех языков народов РФ…», «…все языки народов РФ пользуются поддержкой

[1] Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.minnac.ru/res_ru/0_hfile_1118_1.pdf (дата обращения: 01.11.2019).

[2] Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1 (ред. от 12.03.2014) «О языках народов Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/ (дата обращения: 01.11.2019).

государства…». Однако национально-территориальный принцип организации российского федерализма вносит свои поправки и в государственную языковую политику. Так в соответствии с рассматриваемым законом республики в составе России вправе устанавливать свои государственные языки, а в местах компактного проживания населения, не имеющего своих национально-государственных образований или просто живущих за их пределами, в официальных сферах общения допускается использование языка населения данной местности. Данные гарантии обуславливают две группы противоречий. Во-первых, различия в статусе между народами, чьи языки получили законодательное признание, и народами, лишенными подобной преференции. Во-вторых, за русским языком сохраняется конституционный статус государственного языка на всей территории России. Расширение практики публичного употребления национальных языков, мотивированное положениями рассматриваемого закона, неоднократно становилось поводом языковых конфликтов в местах компактного расселения переселенцев из национальных субъектов в других регионах России. Требование местного старожильческого населения отказаться от соответствующей практики на уровне учреждений муниципальной власти, организаций образования, медицины, социальных служб приводило к локальным межэтническим столкновениям в постсоветский период [3, с. 274].

Среди прочего Закон гарантирует право выбора языка образования, обеспечение преподавания и изучения языков народов Российской Федерации (ст. 9-10). Так в Ростовской области в 2012 году возник прецедент: турко-месхетинская община одного из южный районов региона обратилась в муниципальные органы власти с ходатайством о введение в школьную программу обучения основам турецкого языка для школьников соответствующей этнической принадлежности. Данное обращение было мотивировано этническим составом обучающихся, в котором почти половина являлись представителями турецкой национальности. Администрация школы и местные органы управления образованием отказали в удовлетворении по данному обращению, объяснив такое решение отсутствием профессиональных педагогических кадров, способных обеспечить преподавание курса турецкого языка на уровне требований государственной системы образования [4, с. 174]. Аналогичная ситуация характеризует большинство других субъектов Юга России, в которых только в национальных республиках педагогические вузы и ссузы обеспечивают воспроизводство соответствующих профессиональных кадров для преподавания родного языка титульных групп этих субъектов. В случае с диаспорами подобная практика либо отсутствует вовсе, либо осуществляется национально-культурными объединениями в рамках воскресных и вечерних курсов, программ дополнительного образования, частных образовательных учреждениях (например, в г. Ростове-на-Дону с 1996 года успешно функционирует ЧОУ Гимназия «ОР АВРЕН», созданная Еврейским культурным центром «Бейт Хабад», в программу которой входит обязательное изучение иврита и еврейской культуры)[1].

Гарантии защиты языков народов Российской Федерации предусматривают использование трех групп инструментов: социальных, экономических и юридических. Они ориентированы на сохранение и развитие языкового многообразия, финансовое обеспечение просветительских мероприятий языковой направленности, юридическое пресечение деятельности ответственных лиц в случае нарушения языковых прав граждан. Однако на практике возможности получить финансовую поддержку государства для преподавания национальных языков имеют только государственные языки республик [5, с. 133], а также этнических групп, сохранение культуры которых гарантируется положениями Федерального закона РФ от 30.04.1999 №82-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»[2].

Закон определяет коренными малочисленными народами группы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы и насчитывающие менее 50 тысяч человек. В настоящее время Единый перечень коренных малочисленных народов России, утвержденный Постановлением Правительства РФ от 24.03.2000 №255 (ред. от 25.08.2015), включает 47 народов. Закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» определяет целый пакет финансовых инструментов сохранения традиционных культур. Статья 5 Закона позволяет федеральным органам государственной власти принимать программы социально-экономического и культурного развития малочисленных народов, защиты их языков, исконной среды обитания, использования и охраны земель, оказывать целевую поддержку, возмещать убытки, причиненные традиционному образу жизни и т.д. Закон учреждает институт уполномоченного представителя малочисленных народов, которым могу являться как физические, так и юридические лица. Органы государственной власти и

[1] Официальный сайт ЧОУ Гимназии «ОР АВРЕН – Свет знаний». [Электронный ресурс]. URL: http://oravner161.com/index.php/home (дата обращения: 01.11.2019).

[2] Федеральный закон РФ от 30.04.1999 №82-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: http://constitution.garant.ru/act/right/180406/ (дата обращения: 01.11.2019)

местного самоуправления обязаны в решении вопросов, затрагивающих правовые или социально-экономические интересы коренных национальных меньшинств привлекать институт уполномоченного, в том числе в подготовке и принятии решений по защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни, к проведению экологических и этнологических экспертиз, делегировать их в советы при правительствах субъектов РФ и муниципалитетах и т.д.

Однако приводимое законом определение коренным малочисленных народов ограничивает круг потенциальных объектов применения его норм, так как в условиях модернизированного общества и особенно урбанизированной среды многие этнические группы, сохраняя язык и идентичность, утрачивают традиционный образ жизни и народные промыслы. Соответственно на данные общности не могут распространяться положения рассматриваемого нормативно-правового акта. Первоочередное значение Закон имеет для малочисленных народов Севера. В условиях Юга России действие закона фактически ограничено. Неслучайно в Едином перечне коренных малочисленных народов России только две группы относятся к южнороссийским этносам – абазины (Карачаево-Черкесская Республика) и шапсуги (Краснодарский край). Несмотря на это проблема сохранения этнокультурного многообразия актуальна для южнороссийского макрорегиона и обусловлена ассимиляционными трендами во многих субъектах. Так Закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» предоставляет право Республике Дагестан, учитывая уникальность этнического состава населения региона, самостоятельно определять перечень коренных малочисленных народов и их количественные характеристики. Постановление Госсовета Республики Дагестан от 18 октября 2000 г. № 191 определило 14 этнических групп – коренных малочисленных народов, представив их перечень в Правительство РФ. Данный документ единственный прецедент, в соответствии с которым этносы независимо от ранга в региональной этнодемографической структуре получили статус малочисленных народов (в т.ч. русские). Именно поэтому в текст Единого перечня коренных малочисленных народов России не были внесены поправки, а ситуация в Дагестане выделена в самостоятельный юридический прецедент [6, с. 225]. Кроме того, утвержденный Госсоветом перечень не отражает реальной этнокультурной палитры населения и ассимиляционных тенденций в регионе. Так наибольшую проблему с точки зрения сохранения поликультурной мозаики представляют процессы внутриэтнической консолидации субэтнических групп. В частности, всероссийские переписи населения фиксируют устойчивость численности субэтнических групп внутри аварцев: андийцев, дидойцев, ахвахцев, бежтинцев, каратинцев, ботлихцев, гунзибцев и т.д. При этом актуальный уровень субэтнической идентичности не обеспечивает сохранение родного языка, учитывая отсутствие его письменной основы и преподавания в школе. Языковая палитра населения Дагестана утрачивает своего многообразие, а в условиях дагестанских землячеств происходит отказ и от субэтнических маркеров идентификации [7, с. 67]. Аналогичные процессы в еще более интенсивной форме характеризуют современные адыгские народы в Республике Адыгея и Краснодарском крае, в среде которых утрата диалектических особенностей ведет в настоящее время к практически полному исчезновению абадзехской, бжедугской, темиргоевской субэтнических общностей[1].

Институциональный уровень сохранения этнокультурного многообразия народов России обеспечивается несколькими экстерриториальными формами национально-культурного самоопределения, их, которых базовой является национально-культурная автономия (далее НКА). В соответствии с Федеральным законом РФ от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии»[2] национально-культурной автономией является объединением граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической группе, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории на основе добровольной самоорганизации и с целью сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры, а также укрепления единства российской нации и гармонизации межэтнических отношений [8, с. 254]. Одновременно Закон признает НКА видом общественного объединения (а именно – общественной организации), деятельность которых также регламентируется Федеральным законом РФ от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» и Федеральным законом РФ от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях».

Учреждение и функционирование НКА является своеобразной компенсацией отсутствия реальной возможности на государственной уровне удовлетворить весь спектр культурно-языковых потребностей народов, населяющих Россию, через деятельность учреждений культуры и образования. Закон гарантирует НКА возможности получения поддержки со стороны государственных органов и органов местного самоуправления (в т.ч. финансовой), представлять интересы своей национальной общины (в т.ч. мигрантов) в учреждениях законодательной и исполнительной власти,

[1] Интервью М. Унароковой. [Электронный ресурс]. URL: http://www.adigea.aif.ru/culture/details/48492 (дата обращения: 01.11.2019).

[2] Федеральный закон РФ от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии». [Электронный ресурс]. URL: http://ivo.garant.ru/#/document/135765:0 (дата обращения: 01.11.2019).

а также на муниципальном уровне, создавать собственные СМИ, образовательные и научные организации, учреждения культуры и т.д. При этом НКА могут иметь местный, региональный или федеральный статус, образовывать межрегиональные и вступать в международные ассоциации. Фактически через НКА создается гибкая система реагирования на этнокультурные потребности граждан без ущемления прав других народов, способная решать соответствующий комплекс задач в условиях динамичности численности носителей культуры и языка и характера их мотивации. Однако Закон рамочно определяет возможности государства и местного самоуправления обеспечивать ресурсную (в т.ч. финансовую) поддержку НКА, оставляя ее на усмотрение исполнителя. В данной ситуации НКА фактически лишены перспектив реализации долгосрочных, технически сложных и требующих больших затрат проектов. Неслучайно, в большинстве российских НКА роль лидера выполняют успешные предприниматели – представители этнической группы, которая таким образом рассчитывает на получение материально-финансового потенциала для обеспечения своей жизнедеятельности [9, с. 33].

Другой проблемой патерналистской модели функционирования НКА является то, что, представляя интересы своей этнокультурной группы, лидеры НКА вынуждены регулярно согласовывать свои публичные действия с институтами власти. Это снижает степень их легитимности в собственной национально-культурной среде, провоцирует образование параллельных неформальных сообществ, снижает консолидационный потенциал [10, с. 251]. Представительская функция НКА в подобных условиях имеет исключительно презентационный характер, лишенных реальной возможности быть субъектом публичной дипломатии или общественного медиатора. Кроме того, НКА в соответствии с Законом имеют право устанавливать и поддерживать гуманитарные контакты с гражданами и общественными организациями иностранных государств (ст. 4). Данное положение имеет особое значение для зарубежных диаспор, для которых связи с исторической родиной или национальным государством выступают ядром этнической идентичности, фактором социокультурного воспроизводства [11, с. 239]. Однако в соответствии с п. 6 ст. 2 ФЗ РФ «О некоммерческих организациях» общественные объединения (в т.ч. НКА), получающие денежные средства и иное имущество от иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан, выполняют функцию иностранного агента. Данное нормативное положение лишает НКА, представляющие диаспоры, беспрепятственного получения помощи от материнского государства для финансирования программ изучения родного языка и культуры, создания совместных культурно-просветительских центров и т.д. Стигматизация «иностранного агента» особенно рискогенна в условиях обострения геополитической конкуренции и необходимости всех субъектов общественных отношений определить собственный вектор геополитической идентификации [12, с. 140]. Выступая заложником политической конъюнктуры, НКА теряют ресурсы реализации тех прав, которые гарантированы им в соответствии с ФЗ РФ «О национально-культурной автономии».

Дополнительной гарантией обеспечения представительства национально-культурных объединений на уровне государственной и муниципальной власти России является обязательность создания при одном из федеральных органов исполнительной власти консультативного совета по делам национально-культурных автономий, действующего на общественных началах, а на региональном и местном уровне Закон рекомендует создание подобных совещательных институтов[2, с. 38]. На федеральном уровне консультативный совет создан при Федеральном агентстве по делам национальностей (приказ ФАДН РФ от 23 октября 2015 года №70). В соответствии с данным приказом ФАДН РФ задачами деятельности Консультативного совета является выработка мер по укреплению единства российской гражданской нации, формированию межэтнической толерантности, популяризации многонациональной культуры России, а также подготовка предложений по совершенствованию законодательства в сфере государственной национальной политики. В состав совета входят руководители 17 федеральных НКА, персонально дублирующие состав Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ[1]. Кроме того, аналогичные совещательные структуры действуют и при других государственных органах и общественных организациях РФ: Консультативный совет при Председателе Совета Федерации по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями; Комиссия по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений Общественной палаты России и др. В субъектах Федерации практика создания подобного рода консультативных органов также распространена, в том числе и на Юге России. Для всех данных структур характерен один и тот же комплекс проблем функционирование. Во-первых, членство в консультативных советах определяется по критерию лояльности, а не легитимности среди этнической общности, которую представляет та или иная организация. Особенно это характерно в ситуации существования нескольких альтернативных национально-культурных объединений. Во-вторых, состав консультативных советов редко обновляется и в него могут официально

[1] Официальный сайт Федерального агентства по делам национальностей. [Электронный ресурс]. URL: http://fadn.gov.ru/ (Дата обращения: 01.11.2019).

входить лидеры общественных объединений, утративших свой юридический статус, и наоборот не иметь место в совете представители зарегистрированных и реально функционирующих НКА.

Таким образом, институциональная и ресурсная среда реализации приоритетной цели Стратегии государственной национальной политики РФ по сохранению и укреплению этнокультурного многообразия населения России характеризуется комплексом рисков, обусловленных противоречиями на уровне законодательства, формальных и неформальных практик осуществления мероприятий национальной политики.

Литература

1. *Попов Ф.А.* География сецессионизма в современном мире. М.: Новый хронограф, 2012. 672 с.
2. *Сикевич З.*В. Этнические предубеждения как основа проявления интолерантности. // Гуманитарий Юга России. 2018. №2. С. 36 – 53.
3. *Губогло М.Н.* Языки этнической мобилизации. М.: ИЭиА РАН, 2011. 812 с.
4. *Бедрик А.В., Сериков А.В.* Этноконфессиональные отношения в контексте обеспечения национальной безопасности: региональный аспект // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 11. С. 171–180.
5. *Рыжова С.В.* Этническая идентичность в контексте толерантности: Монография. М.: Альфа-М, 2011. 280 с.
6. *Алиева В.Ф.* Демографические процессы в современном Дагестане. М.: Наука, 2007. 325 с.
7. *Шахбанова М.М.* Этническая идентичность малочисленных дагестанских народов (на примере андоцезской группы). Махачкала: Изд-во АЛЕФ, 2012. 282 с.
8. *Осипов А.Г.* Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты. СПб.: ЦНСИ, 2004. 508 с.
9. *Левин З.И.* Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М.: Институт востоковедения РАН; Изд-во «Крафт+», 2001. 176 с.
10. *Полоскова Т.В.* Современые диаспоры. Внутриполитические и международные аспекты. М.: Научная книга, 2002. 284 с.
11. *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, *2003. 544 с.*
12. *Жаде З.А.* Геополитика и идентичность: пересечение предметных полей исследований // Власть. 2013. №12. С. 137 – 142.

***Bedrik Andrey Vladimirovich*,** Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University (160, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: abedrik@bk.ru

***Bineeva Natalya Kamilievna*,** Candidate of Sociology, Associate Professor, Senior Lecturer, Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University (160, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation); Scientific Secretary, South Russian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (102, M. Gorky Str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: n.bineeva@gmail.com

***Dyachenko Angela Nikolaevna*,** candidate of philosophical, Senior researcher at the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University (160, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: angelz2004@yandex.ru

PRESERVATION OF ETHNOCULTURAL DIVERSITY OF THE POPULATION IN THE CONTEXT OF RUSSIAN NATIONAL POLICY

Abstract

The article discusses issues relevant to multinational Russian society preserving ethnocultural diversity in the context of the implementation of state national policy. Based on the analysis of regulatory documents that determine the basic principles of national policy, the features of national-cultural components in the institutional and resource environment of Russian society are revealed, the conclusion is made about the existence of a complex of risks due to contradictions at the level of legislation, formal and informal practices of implementing national policy measures.

Keywords: *national policy, ethnocultural diversity, identity, Strategy of the state national policy, national-cultural associations, national-cultural autonomy, multilingualism, the right to choose a language, South of Russia.*

References

1. Popov F.A. Geografiya secessionizma v sovremennom mire. M.: Novyj hronograf, 2012. 672 p.
2. Sikevich Z.V. Etnicheskie predubezhdeniya kak osnova proyavleniya intolerantnosti. // Gumanitarij YUga Rossii. 2018. №2. P. 36 – 53.
3. Guboglo M.N. YAzyki etnicheskoj mobilizacii. M.: IEiA RAN, 2011. 812 p.
4. Bedrik A.V., Serikov A.V. Etnokonfessional'nye otnosheniya v kontekste obespecheniya nacional'noj bezopasnosti: regional'nyj aspekt // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2015. № 11. P. 171–180.
5. Ryzhova S.V. Etnicheskaya identichnost' v kontekste tolerantnosti: Monografiya. M.: Al'fa-M, 2011. 280 p.
6. Alieva V.F. Demograficheskie processy v sovremennom Dagestane. M.: Nauka, 2007. 325 p.
7. SHahbanova M.M. Etnicheskaya identichnost' malochislennyh dagestanskih narodov (na primere andocezskoj gruppy). Mahachkala: Izd-vo ALEF, 2012. 282 p.
8. Osipov A.G. Nacional'no-kul'turnaya avtonomiya. Idei, resheniya, instituty. SPb.: CNSI, 2004. 508 p.
9. Levin Z.I. Mentalitet diaspory (sistemnyj i sociokul'turnyj analiz). M.: Institut vostokovedeniya RAN; Izd-vo «Kraft+», 2001. 176 p.
10. Poloskova T.V. Sovremenye diaspory. Vnutripoliticheskie i mezhdunarodnye aspekty. M.: Nauchnaya kniga, 2002. 284 p.
11. Tishkov V.A. Rekviem po etnosu: Issledovaniya po social'no-kul'turnoj antropologii. M.: Nauka, 2003. 544 p.
12. ZHade Z.A. Geopolitika i identichnost': peresechenie predmetnyh polej issledovanij // Vlast'. 2013. №12. P. 137 – 142.